

*Г.Н. Канинская**

ЧТО СТАЛО С ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКОЙ?
О книге «Понять Пятую республику»
под ред. Ж.Гаррига, С.Гийом, Ж.-Ф. Сиринелли

Tu ne quaesieris, scire nefas
Quem mihi, quem tibi finem di dederint,
Leuconoe...

Horatius¹

Если воспользоваться словами редакторов книги, попытка не только понять, но и объяснить «метаболизмы» Пятой республики была сделана сначала на «сугубо французской» конференции, посвященной 50-летию со дня основания этой Республики и проходившей в 2008 г. под эгидой Центра истории парижского Института политических наук, возглавляемого Ж.-Ф. Сиринелли², а спустя два года — на страницах опубликованного по ее итогам коллективного труда³. Хочется сразу отметить, что по своему содержанию книга отлично вписывается в «мейнстрим» мировой исторической науки и служит блестящей иллюстрацией эффективности изучения той или иной проблемы в рамках творческой лаборатории. Причем значимость предпринятого исследования тем более очевидна, что над ним трудился «междисциплинарный» авторский коллектив, куда вошли историки из разных университетов и научно-исследовательских центров страны (С. Берстайн, М. Лазар, Э. дю Рео, Б. Лашез, А. Руссо и др.), юристы (например, государственный советник Д. Мосс, руководивший на протяжении нескольких лет рабочей группой по подготовке и публикации конституционных документов Пятой республики) и социологи (Л. Шовель, Х. Дельпорт и др.). Целесообразность именно такого подбора кадров убедительно обосновал в самой книге автор главы под названием: «Кто принимает решения?» М.-О. Барух. Он пишет: «Чтобы,

* *Галина Николаевна Канинская — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.*

¹ «Не спрашивай, нельзя знать,
какой мне, какой тебе конец предписан,
Левконоя...».

Гораций

² Напомним, что Ж.-Ф. Сиринелли неоднократно публиковался во Французском ежегоднике. См., например: ФЕ. 2003. М., 2003; ФЕ. 2009. М., 2009.

³ *Comprendre la Ve République / Sous dir. de J. Garrigues, S. Guillaume, J-F. Sirinelli. P. : PUF, 2010. 554 p.*

например, попытаться все же понять, кто принимает в государстве решения, и разобраться в хитросплетениях политико-административной машины, необходима целая плеяда специалистов в области общественных наук: юристов-теоретиков по общественному, административному и государственному праву, специалистов в области политических и социальных наук, историков» (с. 424).

Суть авторской концепции изменения «макроисторического контекста» (с. 11) Пятой республики за полвека, прошедшие со дня ее возникновения, можно отчетливо уловить по названиям каждой из глав. Они же позволяют увидеть, по каким параметрам можно судить о метаморфозах Франции в XXI в., а главное — по каким направлениям продолжать научный поиск решения соответствующих проблем. Главы книги объединены в пять частей, названных соответственно: «Меняющаяся Франция» («La France qui change»), «Приспосабливается ли режим?» («Un régime qui s'adapte?»), «Направления движения» («Des lignes qui bougent»), «Эволюция акторов» («Des acteurs qui évoluent»), «Возможна ли реформа?» («L'impossible réforme?»). **При чтении этих названий, сразу вспоминаются** муссируемые в журналистской среде, особенно в связи с последними спорами вокруг предпринятой правительством Франсуа Фийона пенсионной реформы, вопросы о том, возможно ли проводить преобразования во Франции.

Сами авторы уточняют, что не претендуют на окончательность и бесповоротность изложенных в книге выводов. Они поясняют, что скорее стремились к тому, чтобы предложить исследователям несколько новых направлений для дальнейших научных поисков. «Историк не может предсказать, какое будущее ждет Пятую республику, тем более в стране, которая так любит менять режимы, но он способен, опираясь на арсенал документов, с помощью своих приемов и методов обогатить знание о ней, а заодно — и тем самым — легитимизировать историю настоящего времени», — написали в предисловии Ж. Гарриг и С. Гийом (с. 7). Подобная концептуальная заявка заслуживает внимания, прежде всего, с методологической точки зрения. Хотя во Франции в целом уже утихли дискуссии о роли историков и месте истории новейшего времени в историческом познании, авторы, тем не менее, стараются лишней раз наглядно доказать и показать, как можно «творить новейшую историю». В частности, они построили свой научный поиск в духе трехмерного «броделевского» исторического времени и, как представляется, убедительно «измерили» Пятую республику в кратко- и среднесрочной перспективе.

Другой оригинальной методологической находкой является сам ракурс постановки проблемы. Вписав столь традиционный для французской историографии метод критического анализа и синтеза в дихотомную

парадигму, авторы приступили к выявлению «коллективной идентичности» (с. 1) Пятой республики, размышляя над двумя главными вопросами. Первый – насколько успешно ее политическая система сумела приспособиться к эволюции французского общества. И второй – какие «разломы» возникли в ее «социополитической экосистеме»⁴, понимаемой как живой организм, образованный из сплава институтов и социокультурного цоколя. Соответственно под «разломами» авторы подразумевают имеющиеся проблемы и противоречия в социальной, экономической, культурной, информационной и религиозной сферах, а также во внешней политике Франции. Иными словами, авторский коллектив старался представить читателю фактическое подтверждение того, что «Франция 2008 года – это уже не Франция 1958 года» (с. 8). Интересные замечания в этой связи делает в главе «Идентичности и память в Пятой республике» А. Руссо. Он настаивает на том, что не менее важное значение, чем анализ «изменений конституций, политических партий, экономики», имеет проблема коллективной памяти, к которой французские специалисты обратились сравнительно недавно – всего лишь «спустя двадцать лет после установления Пятой республики» (с. 383). Затронув до сих пор болезненные для французов темы деколонизации и связанной с ней Алжирской войны, Второй мировой войны, Вишистского режима и антисемитизма, А. Руссо точно подметил, что «в стране, которая так долго верила в возможность культурного единства, достигнутого благодаря добровольному отказу от исторических особенностей, и питалась мифом о национальной сплоченности и четком разграничении интересов между сферой общественной и личной, пересмотр коллективной памяти вдруг стал одним из важных обнаруживающих признаков закрепления во временном пространстве множества идентичностей». А это, на его взгляд, свидетельствует «об упадке некоей национальной концепции истории во Франции» (с. 389).

Вряд ли целесообразно анализировать книгу поступательно, от главы к главе. Ее полезно вдумчиво прочесть каждому самостоятельно и, может быть, в чем-то не согласиться с авторами. К тому же они и сами подчеркивают, что не всегда сходятся во мнениях. Наглядно это можно увидеть, например, в разделах, написанных С. Берстайном и Д. Моссом. Если первый, назвав свою главу «Республиканская монархия?», утверждает, что политический режим Пятой республики не только был наделен «монархическими чертами» его основателем Ш. де Голлем в 1958 г., но и «продолжал в течение полувека консолидироваться и расширять свои прерогативы в этом духе» (с. 111), то второй, напомнив в своей главе «Упадок парламента?», что их диалог с С. Берстайном о характере этой

⁴ Термин Ж.-Ф. Сиринолли, который сам по себе тоже заслуживает внимания (с. 27).

республики продолжается довольно давно, возражает ему и на этот раз. В качестве контраргументов Д. Мосс ссылается на то, что в 1969 и 1981 гг. соответственно де Голль и В. Жискара д'Эстен покинули президентский пост «просто лишь потому, что не были поддержаны народом, а этот факт как раз противоречит принципу монархического правления» (с. 130).

В книге действительно много весьма актуальных и заслуживающих самостоятельного переосмысления рассуждений и выводов об эволюции Пятой республики. Например, впервые дана оригинальная периодизация ее политической структуры, не связанная, как было принято ранее, со сменой ни президентов, ни партийно-политического большинства в парламенте. Авторы предлагают разделить политическую историю Пятой республики на четыре периода: 1) период президентской власти – с 1962 г.; 2) период Майского кризиса 1968 г. и его последствий; 3) чередование у власти – с 1981 г.; 4) сосуществование во власти – с 1986 г. и до наших дней. При этом они единодушно уверены, что Пятая республика «пустила глубокие корни во французскую почву» с момента своего создания в 1958 г. (с. 13). Красной нитью через все главы проходит мысль о прочном «генетическом коде» этой республики, благодаря чему политической власти удалось удержаться под натиском «бунтарского Красного Мая 1968 г.». Как это ни парадоксально, но авторы убеждены, а главное – вполне обоснованно доказывают, что Май 1968 г. как раз и продемонстрировал прочность институтов Пятой республики, поскольку не нарушил сложившегося вокруг них во французском обществе консенсуса.

По многим причинам особого внимания заслуживает глава «Решающее двадцатилетие (1965–1985)», написанная Ж.-Ф. Сиринелли для первой части книги (с. 13–28). Во-первых, ее автору принадлежит пальма первенства во введении в научный оборот и раскрытии самого понятия «Решающее двадцатилетие» в истории Пятой республики, над которым он размышляет уже в течение нескольких лет, сформулировав его в ряде ранее появившихся работ и пытаясь уравнивать в правах с прочно вошедшим в научный оборот понятием «Славное тридцатилетие» – 1945–1975 гг.⁵ Во-вторых, в рецензируемой нами книге период «Решающего двадцатилетия» – 1965–1985 гг., служит авторскому коллективу тем осевым временем, от которого, как они полагают, следует вести отсчет, размышляя о Пятой республике с точки зрения среднесрочной исторической перспективы, и в которое как раз и обозначились те «линии разломов», которые газета *Le Monde* определила в одной из передовиц как «школьный, социальный, этнический, городской»⁶.

⁵ См., например: *Strinelli J.-F. Comprendre le XXe siècle français*. P., Fayard, 2005.

⁶ *Le Monde*. 17 juin 2008.

Чтобы понять суть этих «разломов», авторы предлагают представить структуру общества как определенный «социокультурный цоколь», служащий фундаментом для «институциональной пружины», на вершине которой крепится политическая система, а по ее спиральям расположены так называемые «дополнительные составляющие», от «удачного или неудачного» резонирования которых в конечном итоге зависит легитимность режима. Таким образом, пишет Ж.-Ф. Сиринолли, в рамках «короткой истории» исследователь должен сконцентрировать внимание на анализе «политической интриги», связанной в первую очередь с «конкретной политической игрой», а в среднесрочной перспективе – уловить, какие «примирения/прилаживания или, наоборот, расхождения/отклонения» произошли в обществе в результате этой игры (с. 27–28).

В целом, авторы книги сходятся на том, что «Решающее двадцатилетие» существенно изменило Францию. Частично оно уходит корнями в «Славное тридцатилетие», отличительной особенностью которого была благоприятная экономическая конъюнктура. Главное изменение связано как раз с постигшим не только Францию, но и все индустриально развитые страны Запада, глубоким экономическим кризисом. Авторы приходят к несколько неожиданному, но вполне логичному выводу о том, что Пятая республика вышла из «Решающего двадцатилетия», вновь обретя экономическую стабильность, но на сей раз на уровне «устоявшегося разбалансирования». Если, как отмечается в книге, с момента зарождения и на протяжении всего «Славного тридцатилетия» Пятая республика жила в условиях четырех «П»: мира (paix), процветания (prospérité), полной занятости (plein emploi) и прогресса (progrès) (с. 25, 537), то отныне правительства обречены править в условиях «стагфляции» и безработицы. В стране появились «новые бедные» из средних слоев, а именно из учителей, медперсонала, агентов-посредников. Анализу их положения в социальной структуре посвящено немало интересных страниц, написанных на высоком теоретическом уровне и с привлечением богатых статистических данных (с. 29–84).

Кроме того, в книге детально показано, что при такой экономике во Франции сложилась ситуация, когда граждане ощущают себя дезориентированными. В результате непопулярность всех правительств стала главной темой общественно-политической жизни. Поначалу, в конце пребывания у власти В. Жискара д'Эстена, казалось, что левые партии способны предложить альтернативное решение в социально-экономической сфере, но после их неудачи и изменения стратегии с 1982 г. левые также перестали восприниматься французами как те, кто способен «изменить жизнь», и признали рыночную экономику. Для Франции такой поворот обозначил резкий сдвиг в политической культуре.

Авторами детально прослеживается, по каким направлениям развивался процесс коррозии ингредиентов-регуляторов экосоциальной структуры Пятой республики. В первую очередь он затронул религиозные и моральные ценности, профсоюзы, партии и ассоциации, семью, стиль жизни. В этой связи авторы предлагают любопытные рассуждения по поводу трансформации либеральной демократии в «демократию мнений» или «демократию общества» под непрерывно растущим влиянием средств массовой информации и «образов» — в политике и в обыденной жизни (с. 327–343). В книге содержится еще немало новых теоретических понятий, требующих дальнейшего осмысления. Например, об «этноитизации социальной проблемы» (с. 496), «значении прихода к избирательным урнам третьего поколения — поколения Мая 1968 г.» (с. 401–403). Не думаю, что полезно перечислять все, хотя бы бегло. Читатели сами могут ознакомиться с ними, прочтя рецензируемую книгу. К тому же в ней есть такие разделы, которые окажутся актуальными и для российской публики. Там, к примеру, доходчиво и подробно доказывается, почему Франции необходима пенсионная реформа, дискуссии вокруг которой получили столь широкий резонанс во всем мире (с. 479–480), рассматривается, как идейная борьба влияет на ход дискуссий вокруг преподавания истории (с. 380–381).

В целом, нельзя не согласиться с общим выводом авторов о том, что, начиная с 1980-х гг., социокультурный цоколь Пятой республики стал подтачиваться. Наметила такая его деконструкция, при которой возникшее ныне равновесие в обществе может в длительной исторической перспективе оказаться лишь незначительным эпизодом. Тем не менее они убеждены в том, что экосистема Пятой республики имеет свои ритмы, причем отнюдь не синхронные, и к некоторым изменениям она уже адаптировалась, в отношении других приближается к адаптации, а по поводу третьих еще рефлексирует.

А в заключение хотелось бы процитировать такое вполне справедливое замечание М.-О. Баруха: «Писать об еще длящемся периоде довольно трудно даже историку, привыкшему изучать современность. Он постоянно рискует поддаться влиянию действительности или той кажущейся бесспорной “правды”, которая диктуется средствами массовой информации. Поэтому, постоянно сталкиваясь со “странностями” прессы, историк должен отдавать себе отчет в том, *что* носит конъюнктурный, а *что*, напротив, повторяющийся, общий, одним словом — структурный характер. А в политической истории это особенно трудно» (с. 421).

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>